

Александр Степанович Грин

Рассказ о странной судьбе

Александр Степанович Грин

Рассказ о странной судьбе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055787

Аннотация

«Молодой человек, с деловым и сухим лицом, сказал:

– Мы с вами беседуем целый час, а вы и не подозреваете, что я вас встречал раньше, давно, несколько лет назад.

– А где это было?

– В Самаре. Посмотрите на меня...»

Александр Грин

Рассказ о странной судьбе

I

Молодой человек, с деловым и сухим лицом, сказал:

– Мы с вами беседуем целый час, а вы и не подозреваете, что я вас встречал раньше, давно, несколько лет назад.

– А где это было?

– В Самаре. Посмотрите на меня.

Он встал, жалостно опустил углы губ, взъерошил волосы, сунул под мышку салфетку и согнулся, как кланяющийся театру виртуоз, опустив руки по-обезьяньи.

– Суп с лапшой, – пробормотал он, бегая глазами, – на второе голубцы, колдуны, чего изволите? Кисель с молоком.

– Ясно, – сказал я. – Митька-свистун.

– Персонально. – Он уселся и спокойно посмотрел на меня. От неожиданности я даже покраснел. Трудно было теперь узнать в щегольски одетом, с сносными манерами господине бывшего трактирного полового.

– Да, хорош, хорош, – сказал я. – Пять лет назад я почти каждый день бывал в «Порт-Артуре», где вы служили.

И он заговорил о себе. Мне оставалось только удивляться,

слушать и разводить руками. Его звали Антипов.

II

– Вы знаете, – сказал Антипов, – что у нас была революция. Ей я обязан всем – моим положением, богатством и даже семейным счастьем.

Мне даже удивительно вспоминать об этом. В трактире, где я служил, повар читал нелегальные брошюры и ходил по праздникам в лес на митинги.

– Митька, – сказал он мне однажды вечером, – присоединись к общему делу. А дело это вот такое-то и такое-то...

Я слушал, затаив дыхание. Нельзя сказать чтобы он тронул или взволновал меня; я был страшно заинтересован таинственными и опасными сторонами этого дела. Смутный голос твердил мне, что нужно ухватиться за повара. Зачем? Не знаю. Это было чутье охотника.

Я так долго и голодно жил по мерзким каморкам кабаков, так долго выносил брань, так устал от постоянной работы, что в словах и рассказах восторженного хилого повара о прекрасных незнакомцах, жертвующих ради нашего брата всеми преимуществами жизни, о полном благородства и достоинства обращении их, о том, как они дают всем книжки и как всем говорят «вы», – мне почудилась для умного человека возможность изменить свою собачью жизнь.

В ближайшее воскресенье я умылся, подстригся и отпра-

вился с поваром. На краю города, в низеньком мещанском домике, собралось шесть человек рабочих.

Скоро пришел пропагандист и стал говорить нам о разных вещах. В самом патетическом месте его речи я встал, хлопнул об пол шапкой и заплакал... Пропагандист пожал мне руку и назвал меня «товарищем».

Прошла неделя, и мне уже было поручено организовать новый кружок. Я составил их два. Мне доверяли, и я не употреблял этого во зло. К тому времени я мог сам кое-что объяснить фабричным мальчишкам, пользуясь прокламациями, брошюрками и наставлениями пропагандистов. Повар поцеловал меня.

Весной произошли аресты. Многих очень нужных рабочих арестовали, и я был выбран в рабочий комитет. По делам мне часто приходилось сноситься с комитетом партийным, и я быстро усвоил не только правила конспирации, но и всю революционную психологию. Скоро арестовали и меня.

В тюрьме был свободный режим. Сидело человек двадцать мужчин и женщин. С воли нам приносили книги, цветы, мягкие булочки, пироги, дичь, конфеты, чай, сахар, табак и деньги. Я пополнял, отоспался и, пользуясь вынужденным досугом, обложился книгами. Читал напролет дни и ночи. От природы у меня способность говорить образно, красиво и энергично. Скоро я был в состоянии поражать на дискуссиях наших партийных противников, а к концу года был выбран старостой.

По моему делу можно было ожидать лет пять Восточной Сибири. Я стал внушать товарищам, что решил выполнить одно очень трудное и важное дело. Мне организовали побег, он не удался; люди, помогавшие этому «с воли», были арестованы, а один даже подстрелен.

Тогда, после бессонной ночи, я пришел к решению, что наступило время воспользоваться жизнью, благо я был вооружен для нее известным опытом, знаниями и знакомствами. Я заявил жандармскому полковнику, что имею отношение к делу партии в -ском уезде.

Меня перевезли для следствия в уездную тюрьму, и там, не опасаясь, что это станет известным, я дал властям разные полезные сведения, но в меру, ровно столько, сколько это было необходимо для моего освобождения, стараясь избежать лишних арестов и щадя женщин.

III

На этом месте Митька-свистун остановился, съел бутерброд со свежей икрой, запил его стаканом отличного вина и выразительно пожал плечами, как бы говоря: «Так было, что же я с этим поделаю?!» Я слушал.

Мне предстояло сделаться агентом на недурном жалованье. Однако, зная хорошо, что среди революционеров я могу устроиться лучше и выгоднее, я решил обождать с этим и, будучи освобожден, выехал с фальшивым паспортом в Одес-

су. Явки и пароли были у меня еще свежи в памяти; заявив по приезде, что хочу работать вовсю, я с помощью некоторых уловок получил в свое распоряжение несколько сот рублей и сделался разъездным организатором.

Через месяц начался роман с глупой, богатой и доброй девушкой, видевшей во мне по меньшей мере Лассалья. Я убедил ее пожертвовать в пользу дела все ее личные деньги – двадцать тысяч; взял их себе и уехал за границу.

Я посетил все, чем интересовался, живя в России: Париж, Лондон, Рим, выдавая себя за богатого фабриканта, но деньги тратя очень разумно. Это было как бы распутье – я не знал, продолжать ли мне вращаться в радикальных кругах или покончить с этим. Наконец я уехал в Москву, думая, что «там видно будет».

Так и вышло. Мне помог случай.

Я встретил в театре свою бывшую любовь, она просто посмотрела на меня, но после этого взгляда я понял, что со старым покончено и опасно возвращаться к нему.

По объявлению я отыскал сваху и, легализовавшись, то есть еще раз войдя в сношения с охранкой, получил отпущение грехов. Сваха дала мне полупомешанную старуху и наличными приданого семьдесят тысяч да незаложенный дом.

Вот и все. Я удовлетворяю потребности сердца на стороне, конечно; у меня два трактира и сырная лавка. Что вы на это скажете?

IV

Я уже не слышал его. Простая убедительная речь умного человека увлекла меня, как всегда, в мир грез, чуждых жизни и Митьке.

Я видел в лунном свете глухую пустыню и много теней. Маленькие черные тени скользили, припадая, за песчаными буграми, опущенные хвосты их вертелись меж задних ног, а морды смотрели жадно и осторожно. Это пробирались шакалы.

Чей труп привлекал их? Для этого надо было посмотреть с вершины горы, тогда у черной впадины водопоев ясно был виден скорченный труп охотника и маленькие тени вокруг.

Как сказал Соломон: «Живому псу лучше, нежели мертвому льву».